

Портрет коллекционера отечественных древностей (на материале Пермской губернии)

Формирование и развитие краеведения в России в XIX веке невозможно представить без интереса к коллекционированию отечественных древностей. Многие частные собрания способствовали тому, что к местным памятникам старины начинала обращаться научная общественность, проводятся первые археологические раскопки. Большинство частных собраний легло в основу музейных коллекций и способствовало становлению музеев в России. Вместе с тем, к теме частного коллекционирования, после забвения в советское время, стали возвращаться с исследовательской точки зрения сравнительно недавно.

Среди известных коллекционеров древностей Прикамья особое место занимает семья Теплоуховых, прежде всего, личности А. Е. и Ф. А. Теплоуховых. Представляется интересным сравнить личности коллекционеров, выявить основные мотивы их собирательской деятельности, увидеть способы, с помощью которых они пополняли свою коллекцию.

В первой половине XIX века в Пермском крае главными культурными центрами после губернского города были не уездные города, а селения, так или иначе связанные с горнозаводским производством. Именно село Ильинское стало тем местом, где формируются первые частные коллекции древностей, в состав которых входили и предметы пермского звериного стиля. Первоначальные сведения об археологической коллекции в Ильинском относятся к 1840-м гг., ее собрал управляющий пермскими имениями Строгановых В. А. Волегов.

Неслучайно, что среди категории людей, достаточно далеких по своей профессиональной деятельности от археологии, рождается интерес к сохранению и изучению предметов древности. Думается, что это может быть объяснено, прежде всего, двумя факторами. С одной стороны необходимо учесть общий подъем интереса к коллекционированию отечественных древностей в России именно в этот период времени. Собираательством занимались

не только представители науки, но и широкие круги населения (священники, купцы, служительская интеллигенция).

С другой стороны, именно у представителей «служительского класса» объективно появлялась возможность и потребность заниматься коллекционированием. Этому способствовал высокий уровень образования, обеспечивавший им широту кругозора, любознательность, связь с отечественной и зарубежной научной мыслью. Также и «зарплата же высших представителей крепостных служащих — главноуправляющих, заводских приказчиков и других — могла соперничать только с жалованием губернских чиновников высшего разряда»¹. Соответственно, были и материальные возможности для приобретения предметов древности у местного населения, а иногда и проведения археологических раскопок.

Кроме того, «вотчинные служащие, тем более те, кто имел хоть малейшее отношение к административно-управленческому аппарату, в своем обыденном сознании соединяли себя с владельцами, как на уровне личностных отношений, так и на уровне отношений служебных»². Интерес к коллекционированию со стороны владельцев в таком случае мог способствовать и появлению подобного интереса у управляющих. Это хорошо заметно во взаимоотношениях гр. С. Г. Строганова и А. Е. Теплоухова.

Александр Ефимович (1811–1885) и Федор Александрович (1845–1905) Теплоуховы относятся к представителям крепостной и посткрепостной интеллигенции. Так, отцом Александра Ефимовича был крепостной фельдшер. Одна из привилегий крепостных служащих Строгановых была связана с возможностью получения образования. А. Е. Теплоухов, окончив Ильинское двухклассное училище, получил возможность не только закончить Петербургскую Строгановскую школу земледелия, но и на средства майората, провел пять лет (1833–1838) за границей в Тарандтском лесном институте, где «высказал такие дарования и вызвал такое участие к своей судьбе, что профессора убеждали его не возвращаться в Россию и предлагали ему остаться в институте преподавателем»³.

Ф. А. Теплоухов также имел возможность, благодаря Строгановым, получить хорошее образование, пройдя по стопам отца и став лесоводом. Еще в годы обучения, он проявил себя на научном поприще, «стал лично известен министру государственных

имуществ Валугеву и мог вполне рассчитывать как на профессуру в академии, так и на более или менее видную карьеру на казенной службе»⁴.

И Александр Ефимович, и Федор Александрович считали себя обязанными Строгановым, поэтому вся их дальнейшая жизнь будет связана со службой на благо этой семьи. Так, Александр Ефимович преподавал некоторое время в Строгановской школе, после закрытия ее был направлен в пермское имение Строгановых, был главным лесничим, а также главноуправляющим. Всего Александр Ефимович состоял на службе у Строгановых около 40 лет. Когда Федор Александрович явился к графу С. Г. Строганову, чтобы из чувства признательности предложить ему на службу свои силы, граф принял это предложение, как ожидаемое, и немедленно назначил его помощником отца и окружным лесничим в 1873 году. С той поры Федор Александрович более 30 лет проживал в с. Ильинском, получив после выхода в отставку отца должность главного лесничего.

Важно проследить, каким образом рождается интерес к коллекционированию археологических древностей. Так известный русский археолог А. А. Спицын отмечает: «Для нас несомненно, что жизненный, практический интерес к собранию местных древностей у А. Е. начинается с того момента, когда он входит по этому вопросу в непосредственное соприкосновение с графом С. Г.»⁵.

Александр Ефимович купил археологическую коллекцию бывшего главноуправляющего В. А. Волегова после его смерти. Но только с 1867 года он начинает посылать Строганову новые интересные находки, начинает с ним переписку по этому поводу, заводит специальный археологический дневник, совершает первые археологические поездки, организует в широких размерах покупку древностей, — «чувствуется, что новый археолог, коллекционер и исследователь, уже готов. Через год-другой он совершенно эмансипируется от своего патрона, а через десяток лет с. Ильинское будет обладать более ценною в научном отношении коллекцией мелких пермских древностей, чем Петербург»⁶.

Реформа 1861 года привела к потере интереса во многих помещичьих хозяйствах к лесоводству, А. Е. Теплоухов уходит в отставку и полностью переключается на археологию. Таким

образом, интерес к коллекционированию древностей у Александра Ефимовича формируется постепенно, от просьбы С. Г. Строганова о помощи в приобретении вещей до полного посвящения себя своей коллекции.

Федор Александрович Теплоухов стал фактическим владельцем коллекции после смерти отца. «По специальности натуралист, по профессии лесовод, Ф. А. в начале взял на себя лишь обязанности оберегателя отцовской коллекции. Правда, он уже с очень раннего времени помогает отцу своими рисунками, после находит для него специалиста-остеолога, позднее собирает вещи в своем районе, делает небольшие поездки для осмотра интересных в археологическом отношении местностей, но он никогда не предполагал, что со временем будет в обширных размерах продолжать собирание древностей и станет специалистом-археологом. Однако постепенно Ф. А. начинает входить в живой интерес приобретения вещей и их научного изучения и уходит значительно далее отца, как в том, так и в другом направлении»⁷.

Каким образом пополнялась коллекция во времена Александра Ефимовича и Федора Александровича? Для А. Е. Теплоухова главным источником станут отношения с его подчиненными, лесные смотрители, которые имели постоянные возможности общения с местным населением. «В первые годы вещи доставлялись довольно многими смотрителями (Агеев, Крюков, Чернов, Максимов, Малых, Бушуев, Плюснин), но после наступает обычное охлаждение, и только некоторые из них остаются неизменными доброжелателями коллекции; таковыми являются особенно К. Н. Чернов, собиравший вещи на Рождественском городище, Тараканов, доставивший в 1878 и 1880 гг. коллекции находок из Горд-кушета, и И. Т. Костарев, доставивший в 1884 году Козьминский клад вещей и находки каменного века с Иньвы»⁸. Спицын отмечает, что лесные служащие продолжали доставлять А. Е. вещи и после его выхода в отставку, даже более — именно к этому самому времени относятся их особенно ценные приношения. Помогали Александру Ефимовичу в пополнении коллекции и собственные дети, так его дочь Екатерина Александровна, доставила много вещей из с. Кудымкара. Одиночные находки А. Е. Теплоухов получал от местных крестьян, от некоторых служащих в име-

нии по другим отраслям управления и одного священника. В последние годы А. Е. начал обращаться к источнику, которым в более широком объеме воспользовался его сын, — к покупке древностей через местных прасолов. Их них Истомин привозил вещи с Вакинского городища, Пospelов с Верхокамья⁹.

Раскопок А. Е. Теплоухов проводил мало в связи с недостатком времени и средств, но с 1871 по 1882 гг. Александр Ефимович выезжал на раскопки практически ежегодно. В 1871, 1872 и 1874 гг. он раскапывал Гаревское костыще, в 1874–1882 гг. Ильинское; в 1879 году небольшие раскопки произведены были по поручению А. Е. Теплоухова на Лаврятском городище его сыном Александром Александровичем.

Вещи особенно ценные и клады Александр Ефимович представлял Строганову. Мелкие вещи он считал себя в праве оставлять у себя, во-первых, на том основании, что все они найдены были на свободных крестьянских землях, а во-вторых, большинство этих находок не могло составить интереса для коллекции Строганова, представляющей собрание ценных предметов.

В коллекции, оставленной А. Е. Теплоуховым, насчитывалось 2 702 номера различных вещей и 1 069 черепков, занесенных в дневник¹⁰.

Федор Александрович Теплоухов отказался от услуг лесных смотрителей по собиранию древностей, с его точки зрения это налагало некоторую тень на служебные отношения. Ему помогал близкий его знакомый, окружной лесничий И. Я. Кривошеков, он приобретает для него много вещей и собирает сведения о местах находок и о городищах на верховьях Камы и по р. Чусовой. Из других мест предметы древности Федор Александрович получает от народных учителей (от Костарева из Вакиной, от Попова из Кудымкара), от секретаря Пермского Статистического комитета А. И. Прозоровского, от купца И. В. Брагина, от миссионера о. С. Лукина, от П. В. Сюзева, от судебного следователя П. И. Попова. Вещи с р. Ломоватовки получают от А. А. Теплоухова. Однако лучшие коллекции получены от ильинских прасолов, именно Важенина (верховья Камы, 1885–1888), Пепеляева (Лологская дача, 1896), Чицова (верховья Камы, 1887–1891) и Истомина (р. Иньва, 1889–1898)¹¹. Этот источник оказался в одно время

и обильным, и неудобным. Неудобства его состояли в том, что вещи привозились в мешках и портились в дороге, места нахождения их были не всегда известны, наконец, за них приходилось платить этим перекупщикам-археологам непомерно дорого. Чтобы скупщики имели понятие о том, что нужно приобретать, Ф. А. Теплоухов иногда знакомил их с вещами своей коллекции, настаивал, чтобы они тщательно записывали места находки. В 1887 г. Ф. А. Теплоухову посчастливилось приобрести прекрасную коллекцию вещей из д. Плеса в Верхокамье прямо в Ильинске от лица, приехавшего в местную больницу, в 1900 году он получил в Ильинске же отличный клад вещей VIII–IX в. из с. Георгиевского, с вятского течения Камы. В 1890 году Ф. А. Теплоухов провел раскопки усть-туйского костыща, впоследствии раскопки им производились только по поручению Императорской Археологической Комиссии.

При Ф. А. Теплоухове для коллекционирования древностей возникли новые условия. «Во-первых, со смертью графа С. Г. Строганова в 1882 г. прекратилось всякое обязательство по доставлению вещей в Петербург, во-вторых, вследствие изменившихся обстоятельств, оказалось неудобным продолжать собирание вещей при посредстве подчиненных, в-третьих, исчезла боязнь за сохранность коллекции, и она неоднократно высылалась на выставки, в-четвертых, явилась возможность научной обработки ее в более широких размерах; наконец, желание обречь собрание от какого-либо несчастного случая вызывает его издание в полном составе»¹².

А. Е. и Ф. А. Теплоухов представляют тип коллекционера-исследователя, но возможности для занятия археологией у каждого из них были разными.

А. Е. Теплоухов собирал сведения о сделанных находках в крае и о местных памятниках старины в виде городищ и могильников, в течение 20 лет вел свой археологический дневник. По мнению А. А. Спицына, многие усилия Александра Ефимовича в отношении систематизации коллекции, поиска аналогий оказались безрезультатными, «так как и археологическая литература наша, и музеи наши в его время находились лишь в зачаточном состоянии. Из специальных изданий он знал лишь книгу Бера о прибалтийских древностях, которою усердно пользовался, статьи Гревинг-

ка, Ешевского, некоторые тома *Zeitschrift für Ethnologie*, историю оружия Шпехта, в последнее время атлас Аспелина, из общих — некоторые русский газеты, *Illustrirte Zeitung*, *Bazar*, отдельные годы Журнала Мин. Вн. Дел и Отечеств. Записок. Удивительно ли, что аналогии для вещей своей коллекции пермский археолог находил чаще всего в древностях Америки, Индии, Ассирии, Египта, т. е. в тех, о которых попадались отрывочные сведения в доходивших до него иностранных и русских изданиях? Попытки добыть нужные сведения и указания от специалистов и вообще от живых людей также не имели большого результата. Граф Уваров, видевший рисунки коллекции в Москве в 1874 г., сделал лишь общее замечание, что вещи сходны со средне-русскими. Участие в Казанском археологическом съезде дало А. Е. приятные знакомства (из которых он особенно вспоминал о Прохорове, Аспелине, Лихачеве и Готвальде), но для уяснения коллекции оно дало очень немного. Все время А. Е. мог работать лишь в тесных пределах своего собрания, и труды его поневоле имели лишь описательный характер»¹³.

Вложив свой труд и средства в коллекцию, А. Е. Теплоухов опасался кому-либо из научного сообщества ее демонстрировать. С одной стороны он должен был оберегать коллекцию от гр. Строганова, так как находился у него на службе, с другой стороны, правительственные учреждения, прежде всего Императорская Археологическая Комиссия, также могли претендовать на находки, сделанные не на частных землях. Ни на одной археологической выставке собрание А. Е. Теплоухова не участвовало, на Казанский съезд 1877 года он привез небольшое количество находок из своей коллекции. По мнению А. А. Спицына, принятое А. Е. Теплоуховым обыкновение печатать известия о своих приобретениях за границей объясняется также опасением за судьбу своей коллекции.

Другая ситуация характерна для времени коллекционирования Ф. А. Теплоухова. Он стремился сделать свою коллекцию достоянием русской науки, неоднократно высылал ее на выставки и археологические съезды. В 1887 году 14 таблиц предметов коллекции было представлено на Ярославском археологическом съезде, в 1888 году до 700 номеров предметов отправлено на Ека-

теринбургскую научно-промышленную выставку, в 1890 году большая часть коллекции, в составе 71 таблицы, участвовала на выставке Московского археологического съезда. В 1894 году коллекция Теплоуховых была представлена на археологической выставке, устроенной Пермскою Комиссией Уральского Общества в Перми. Каждый раз коллекция была представляема в прекрасном порядке с тщательно составленными описаниями, А. А. Спицын отмечает, что подготовка собрания к Московскому съезду заняло у Ф. А. Теплоухова не менее года усидчивого труда.

Коллекция Теплоуховых стала доступной для изучения и в селе Ильинском, ее осматривали в 1887 году Д. Н. Анучин, в 1893 году И. Н. Смирнов и А. К. Гейкель, в 1896 году барон де-Бай, в 1897 году Эберкромби.

С 1892 году Ф. А. Теплоухов приступил к постепенной обработке для печати собранных отцом и им в течение почти 30 лет богатств. В этом году он выпустил статьи «Вещественные памятники каменного и бронзового века в западной части Пермской губернии» и «Земледельческие орудия Пермской чуди», в следующем — «Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных». В 1894 году Ф. А. Теплоухов выступил в Перми с лекцией «Пермская чудь и ее культурная обстановка», в которой впервые суммирует свои наблюдения над пермскими древностями. В 1895 году выходят новые работы Федора Александровича: «Древности пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути», «Древности, найденные в Чаньвенской пещере, Соликамского у.» и «Несколько слов о костях животных, добытых С. И. Сергеевым при раскопках Чаньвенской пещеры». По мнению А. А. Спицына, «перечисленные статьи по богатству материала и по стройности выводов и изложения представляют лучшие работы по пермским древностям и ставят имя их автора среди исследователей этих древностей на первое место».

Желание опубликовать коллекцию, привело Ф. А. Теплоухова к сотрудничеству с Императорской Археологической Комиссией и с А. А. Спицыным, который трижды приезжал в с. Ильинское (в 1894, 1899 и 1901 гг.), результатом общей работы стал выход в 1902 году полного каталога собрания Теплоуховых. Коллекция содержала 5 930 номеров предметов, а с черепками, занесенными в дневник, — более 7 000.

Коллекция Теплоуховых, как описывает А.А. Спицын, всегда сохранялась в образцовом порядке. Временами вещи нашивались на таблицы, но обыкновенно они сохранялись в коробках. Каждая вещь имела ярлычок с обозначением места находки и страницы дневника, где она описана.

Таким образом, между двумя коллекционерами пермских древностей было много общего с точки зрения образования, профессионального статуса, интереса именно к археологическим находкам. Вместе с тем, первоначальный мотив собирательской деятельности у А. Е. и Ф. А. Теплоуховых был разным. Александр Ефимович включается в коллекционирование под влиянием С. Г. Строганова, но очень быстро это начинание перерастает в страстное увлечение, только этим можно объяснить тот страх, который испытывал собиратель при малейшей угрозе для коллекций. Федор Александрович с детских лет мог наблюдать собирательскую деятельность отца, помогал ему по мере возможности, а после смерти Александра Ефимовича не только продолжает пополнять коллекцию новыми находками, но и ставит задачу опубликовать ее, сделать доступной для всех интересующихся. В это время активно развивается отечественная археология, что позволило Ф. А. Теплоухову включиться в научное сообщество, и в большей степени проявить себя как коллекционер-ученый.

---

¹Мухин В. В. Крепостные служащие вотчинных имений Урала в первой половине XIX в. // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала : межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1990. С. 21.

²Голохвастова Н. В. Крепостные служащие в системе управления Уральско-го горнозаводского имения в конце XVIII — перв. пол. XIX в. (на примере пермских вотчин Строгановых). Пермь, 2004. С. 189.

³Спицын А. А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых : атлас рис. с предисл. Спицына А. А. СПб., 1902. С. 4.

⁴Там же. С. 11–12.

⁵Там же. С. 6.

⁶Там же. С. 6.

⁷Там же. С. 12.

⁸Там же. С. 7.

⁹Там же.

¹⁰Там же. С. 8.

¹¹Там же. С. 12–13.

¹²Там же. С. 12.

¹³Там же. С. 8–9.